

18+

Ведьма-вампир

ЛЕНА РИД-ТАРОТ

Лена Рид-Тарот Ведьма-вампи́р

<https://litres.ru/74370359>

ISBN 9785007103084

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Привет, меня зовут Луна. Не знаю, почему пишу сейчас это. Моя жизнь в опасности. Я взываю к высшим силам, ко всему, что есть мудрого на Земле. Пусть меня спасут. Время 12:00, воскресенье, Пасха.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	12
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ведьма-вампиры

Лена Рид-Тарот

Редактор Анна Столярова

Корректор Наталия Карелина

© Лена Рид-Тарот, 2026

ISBN 978-5-0071-0308-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Привет, меня зовут Луна. Не знаю, почему пишу сейчас это. Моя жизнь в опасности. Я взываю к высшим силам, ко всему, что есть мудрого на Земле. Пусть меня спасут. Время 12:00, воскресенье, Пасха.

Глава 2

Луна — это спутник. Она управляет приливами и отливами, а также жидкостями в человеческом организме. В полнолуние многие люди сходят с ума, а в новолуние загадывают желания. По лунному циклу высаживают растения. А еще Луна — символ непостоянства и чего-то ускользающего. Это про меня. Моя мама увлекалась эзотерикой и назвала меня так, не зная, к чему это приведет. Я ей нисколько не благодарна. Она занималась черной магией, колдовала и обманывала людей. Ее звали Никта, как богиню ночи. Что-то в ней проявлялось такое, что вызывало опасение и благоговение одновременно. Но всему рано или поздно наступает конец: моя мать нарвалась на черного мага, у них случилась магическая война, и у нее стало плохо с сердцем. Врачи сказали — инфаркт, но я-то знаю, в чем дело. Это он ее уморил. Тот маг, в которого она была влюблена... И теперь нет мне покоя. Я молюсь Всевышнему и всем его ангелам, но тщетно. Ангелы не слышат мой зов, ведь я дочь темной ведьмы. И сколько бы я ни отмаливала ее грех, ничего не выходит. А он все ближе и ближе — тот час расплаты, который и мне, наверное, не обойти, если не найду противоядия против зла. Против того чернокнижника, что убил мою маму. Но о нем я расскажу позднее.

Глава 3

— Ну что, сдала?

— Сдала.

Я любовалась первым снегом в этом году. Какой он пушистый, слепяще белый, что аж глаза слезятся. Друзья решили пойти в кафе, ну и я с ними. В толпе студентов ведь ничего плохого со мной не случится, верно?

Справа от меня шли Аня с Магдаленой, слева — неразлучная парочка Павел и Рита. Они не знают, что я использую их в качестве прикрытия. Ну а кому понравится, когда его используют? Мне с ними не интересно. Я скучаю и смотрю по сторонам из любопытства. Вот украшенная елочными гирляндами маленькая кофейня. Обычно она забита битком учащимися университета, но сейчас почти пуста по причине сессии. Мы поднимаемся на невысокое крылечко (кофейня в жилом доме), а снег только усиливается. Сплошная белая пелена, такая, что почти не разобрать, где кто. Я вижу развевающиеся светлые волосы Ани и иссиня-черные — Магдалены. Павла и Риту почти не видно — наверняка обнимаются. Как всегда.

— Эй, вы скоро? — прикрикнула Магдалена. — Я замерзла уже!

Только внутри кофейни я вижу, что глаза у Риты красные.

— Что случилось?

— Мы расходимся, — обыденным тоном сообщил Павел — высокий, худой, остроносый парень в очках. Его длинная челка сейчас спадает на один глаз, что делает его похожим на персонажа какого-нибудь аниме. Но обычно он убирает ее за ухо. Волосы у него неопределенного оттенка, как, впрочем, и глаза. Если бы не его фотографическая память на людей, события и факты, никто бы даже не обратил на него внимания. Но тут — сами понимаете. Мозги тоже бывают сексуальными, даже при весьма средних внешних данных.

Павел встает со стула, на который только что сел, и уходит. Мы остаемся вчетвером. Рита, шмыгая покрасневшим от холода носом, печально следит за ним в окно.

— Мудак, — бросает ему вслед Магдалена и открывает меню. — Рит, может, тебе что-нибудь покрепче? Шампанское, например. Нужно отметить!

— Не хочу.

— Как знаешь, как знаешь, — подружка хмыкает и передает мне меню. — Шоколадный фондан с мороженым, — говорит она подошедшей официантке, а мы трое заказываем кофе.

— Как хорошо! — говорит Аня, грея руки о чашку. — Там совсем замело. Как пойдем домой?

— Нам еще что! Вот Лу как доберется?

Лу — это мое прозвище. Да, частный дом, который мне достался после смерти мамы, находится довольно далеко. Я пожимаю плечами и отпиваю обжигающего латте. Это ведь

самая меньшая из проблем, которая меня волнует. Когда после раздумий я поднимаю глаза на девчонок, они оживленно обсуждают ситуацию с Ритой.

— ...полюбил другую.

— Та серая мышь со второго курса? Не может быть!

— Может, — мрачно подтвердила Рита и добавила: — Да мне плевать, хоть Клеопатра. Видеть его не могу!

— Мудак, — повторяет Магдалена и отправляет в рот целиком весь шоколадный фондан. — Мужики — это те же бабы, только с причиндалами. Мог бы сказать тебе наедине. Трус.

Тема несчастной любви подружки не сходила с повестки более часа. Наконец Рита сказала, что идет домой, и Аня ее поддержала и вызвалась проводить (они жили рядом). Мы попрощались, а потом Магдалена и я заказали себе еще по чашке кофе.

— Погода ужасная, — подружка вздохнула.

— А по-моему, красиво. И людей не много.

Посетителей, действительно, почти не было. Только один мужчина сидел в углу, а рядом официантка протирала стол.

— Да ну их, — Магдалена поскребла наманикюренным ногтем красиво очерченный подбородок с ямочкой. — Смотри, уставился. Как предсказуемо, господа!

Она указала втихаря на последнего оставшегося посетителя. Он действительно смотрел в нашу сторону, а увидев наш интерес к его персоне, поднялся.

Я, посмеиваясь, закрыла глаза ладонью. Подружка одновременно наслаждалась вниманием и его же ненавидела. Могла беситься и кидать вещи об стену, когда мы заваливались к ней домой. Каждый, кто хоть раз пригласил ее на свидание, попадал в группу «тупых предсказуемых козлов». Видимо, ухаживания мужчин казались ей до того примитивными, что это доводило ее до бешенства. Я знала, что ее мать была замужем четырежды, и каждый последующий отчим оставлял в душе неожиданно чувствительной Магдалены заметную травму.

Ощущая приближение незнакомца, Магдалена, как только он поравнялся со столиком, грубо бросила:

— Ну, что надо?

Мужчина молчал, и мы обернулись. Лицо его застыло каменной маской, глаза не двигались. Я сразу поняла, что с ним что-то не то. Схватив подругу за руку, я пролепетала:

— Извините, мы уходим!

— Да ну, подожди, Лу. На что уставился? Я вся зеленая, что ли? — Магдалена только-только входила в раж.

Мужчина моргнул, вздохнул и неуклюже схватился за ее плечо.

— Эй ты! Убери руки!

Она как-то странно дернулась и вдруг упала головой на стол, чуть не задев сахарницу. Лицо ее в этот момент повернулось ко мне, и я увидела широко раскрытые застывшие голубые глаза, в которых не было жизни.

Я завизжала так, что у меня самой заложило уши, и кинулась к выходу; вдогонку что-то кричала официантка, но мне было наплевать. Я распахнула тяжелую стеклянную дверь, и в лицо мне ударил сильный порыв ветра вперемежку со снегом. Я поняла, что забыла сумку в кофейне, но не возвращаться же за ней тогда, когда там находится тот, кто убил Магдалену. Ее голфубые глаза с темной подводкой, казалось, навсегда отпечатались у меня в памяти.

Кто-то схватил меня сзади и сказал: «Да не кричите вы так!», но меня могло остановить только какое-нибудь стихийное бедствие. Тогда этот кто-то крепче сжал мое плечо, и я, отплевываясь от снега, внезапно почувствовала, что мои ноги отрываются от земли. В прямом смысле. Под сердцем закололо, как бывает при катании на аттракционе (я не любила аттракционы, мне всегда на них было плохо). Вот и сейчас проявились все те же симптомы во всей красе: неприятная слабость, ощущение, что кружится голова и ноги подкашиваются. Но подкашиваться им было незачем, так как они висели над землей, которая удалялась из поля зрения все дальше и дальше. Потом прозвучал хлопок, и все померкло. Одно мгновение я видела лишь темноту и ничего больше, но потом разглядела бледное, затянутое тучами солнце и бесильно повалилась на траву.

— Переход совершен, — сказал кто-то надо мной. — Ничего страшного. И незачем было так орать, юная леди.

Глава 4

— Не понимаю...

Какой-то рослый мужчина расхаживал взад и вперед по комнате, отчего пламя свечей, расставленных над камином, подрагивало. Одет он был во что-то темное, к тому же его силуэт то терялся во мраке, то появлялся снова. Меня тошнило, и я, полулежа в кресле, смотрела прямо перед собой. Неужели нельзя было быть аккуратнее?

— Возможно, это шок, Альберт, — доставивший меня сюда человек подобострастно оскалился. — Я, знаете ли, наблюдал, когда юная леди будет одна, но случая все никак не предоставлялось, и я...

— Поднимется шумиха. — Тот, кого называли Альбертом, оперся локтем на каминную полку и вздохнул. — И, конечно же, тебя видели.

— Разумеется. Это, к слову, было общественное место, — мой похититель, несмотря на то что его отчитывали, продолжал скалиться. — Вы же сказали «как можно быстрее», а не «как можно незаметнее»!

— Я, между прочим, вас слышу, — решила я подать голос. — И меня скоро стошнит.

— Антон, доставь ее в ванную.

— Я сама дойду, — воспротивилась я. — Пешком, иначе я все равно не успею.

Опершись на руку так называемого Антона, я пересекла гостиную и коридор. Потом мы завернули в коридор поменьше, и — о чудо! — тут же была ванная комната.

— Я подожду снаружи, — сказал мой сопровождающий.

— Не стоит, — возразила я. — Процесс может затянуться.

Мне ничего не ответили, и я скользнула в помещение и захлопнула за собой дверь. Сразу оглядевшись, я поняла, что ванная комната (если о ней можно было так говорить) была огромна. Несколько раковин, как в торговом центре, несколько душевых кабинок и унитаза. На особом постаменте возвышалась ванна в виде морской раковины. На нее я не обратила внимания, потому что тошнота становилась поистине нестерпимой. Меня вырвало два раза, на этом желудок вроде как успокоился. Я посмотрела на себя в зеркало — вид неважный. Волосы растрепаны, под глазом фингал (возможно, неудачно приземлилась, я не помню). Налюбовавшись вдоволь на себя и утвердившись в том, что это поистине жалкое зрелище, я вышла наружу. Антон все еще был на посту.

— Позвольте проводить вас обратно.

— Вы убили мою подругу, — сказала я, поскольку все же обрела способность более ясно мыслить.

— Нет, что вы. Всего лишь парализовал.

Я ничего не успела ответить, так как мы оказались в гостиной.

— Я вижу, вам лучше, — вежливо сказали мне.

— Нет, — огрызнулась я. — Просто умылась.

— Не стоит так горячиться. — Казалось, Альберт был реально обеспокоен моим состоянием. — Хотите чаю?

Я вскинула голову и посмотрела на него в упор.

— Я хочу домой, неужели не ясно?

— Боюсь, домой вы попадете не скоро, — заметил Антон, усмехнувшись, и куда-то удалился.

— Что это значит?

Альберт оттолкнулся от стены, возле которой он, видимо, простоял все время моего отсутствия, и указал на кресло. Весь его вид был подчеркнуто сдержанным, а лицо — неподвижным, как маска. «Неужели они все здесь такие? — мелькнуло у меня в голове. — Как роботы, ей-богу».

Несмотря на то что на улице светило солнце, тяжелые портьеры здесь были задернуты. Жарко пылал камин, успокаивающе мерцали свечи. Как будто я оказалась в старинном замке, а его хозяин — какой-нибудь лорд или вельможа. Но здесь явно не Средневековье. Вода из-под крана и электрическое освещение в ванной комнате наталкивали на мысль о каком-то перформансе, смысл которого ускользал от меня. Да и к тому же меня сюда доставили по воздуху! Что это, розыгрыш? «Да какой, к черту, розыгрыш, — подумалось мрачно. — Все, к сожалению, настоящее».

— Это незаконно, — заявила я. — Вы понимаете?

Услышав мои слова, мужчина лишь улыбнулся.

Вошел Антон с подносом. На подносе стоял чайничек и две чашки. Антон поставил их на приставной столик и молча

удалился. Я не обратила на это никакого внимания.

— Вы знаете мое имя?

— Выпейте чаю. Он с травами. Хорошо для желудка.

Казалось, что он издевается, так как на лице у него играла загадочная полуулыбка. И как это — не будет никакого уголовного дела? Они же не боги, чтобы замять такое! Альберт в этот момент повернулся ко мне спиной, чтобы подкинуть поленьев в камин, и я поняла, что то, что я приняла за непонятную темную одежду, было крыльями. Настоящими черными крыльями, аккуратно сложенными сейчас вместе. Пока я отходила от шока, Альберт сел за столик и налил чай.

— Выпей. Он не отравлен.

— Кто вы? — испуганно продолжала гнуть свою линию я.

— У вас крылья...

Мужчина покачал головой и отпил из чашки.

— Твоя мать должна была научить тебя принимать все загадочное и непостижимое с легким сердцем, не так ли? — сказал он чуть погодя. — Она была сильной женщиной. Даже чересчур. Поэтому ей так не повезло...

Я молчала, ожидая продолжения. И оно не преминуло последовать.

— В вашем мире маги и ведьмы в порядке вещей. Кого-то считают шарлатаном, а кто-то реально владеет даром. Никта была из последних. Никто не знает, откуда он взялся. Нас усыновили, когда Никте было два года, а мне — четыре. Усыновили по-настоящему добрые люди. Но, как и все хо-

рошее, удача имеет свойство заканчиваться. Приемные родители умерли рано, мне и Никте пришлось рано пойти работать. Это уже потом она взяла такой псевдоним, а в молодости звалась Еленой, обожала путешествовать и работала горничной. Я трудился на стройке. Образование нам так и не удалось получить...

В ответ на мой немой вопрос рассказчик покачал головой:

— Нет, мы с ней не родные брат и сестра. Нас просто усыновили друг за другом одни и те же люди, соответственно, твои бабушка и дедушка.

— У меня никого из родных не осталось в живых, — обронила я. — Мне сказали, что мой дядя умер.

— Ты видела его могилу? — Альберт вскинул брови.

— Нет.

— Тогда он перед тобой.

Я вздрогнула.

— Вы тоже маг? — с надеждой спросила я. Тогда хоть что-нибудь стало бы понятно. Хотя ни о каких крыльях и летающем брате мать мне, естественно, не говорила. Да, она совершала обряды, проводила ритуалы, но никто не взмывал в небеса и не влетал в окна. Она просто была черной ведьмой, и итог ее жизни оказался закономерен.

— Нет, я не маг.

— Тогда кто?

Ответа не последовало.

— Пей чай, — повторил мужчина. — У нас еще много

времени впереди.

Глава 5

Моя мать была тот еще абыюзер. Когда мне исполнилось четыре, она сказала, что ее любовник (мой отец) бросил ее и теперь она не будет печь мне любимый торт на день рождения. Она была так поглощена своей любовью, что на меня ей было наплевать. Мои потребности, мои интересы ее интересовали очень и очень мало. Когда мне исполнилось шесть, у нее случилась новая «безумная страсть». Она уходила из дома днем и приходила ночью. С клиентами работала все утро, а потом я оставалась одна и отправлялась шляться по улицам. Делать было совершенно нечего. Она не контролировала мою учебу, не интересовалась оценками. Иногда я думала, что на месте меня в ее голове пустое место. Иногда я брала ее магические книги, забиралась с ногами на продавленный диван и листала их, пытаясь найти ответ на вопрос, кто такая Никта Рождественская (странный сочетание имени и фамилии, правда?). Рождественская — это ее настоящая фамилия, а вот Никта... Когда-то она поведала мне, что звалась Еленой (в переводе с греческого это означает «светлая»). Елена Рождественская — звучит гармонично. Что подвигло горничную с таинственным прошлым стать богиней ночи Никтой, никто не знал. И я в том числе. Мне кажется, один из ее многочисленных любовников поспособствовал этому. Она как-то рассказывала про шамана, в до-

ме которого она убиралась. Видимо, другая жизнь настолько захватила ее, что она решила в корне все поменять, и обрекла себя на незавидную судьбу. Последним, кто покорила ее сердце, стал черный маг. Я видела его однажды. Неприятный тип. Глаза ввалившиеся, как у старика. Длинные волосы, собранные в хвост. Мать обнималась с ним за воротами дома. Через два месяца она умерла.

Я видела, что в это время она стала выглядеть хуже, стала неопрятной и рассеянной. На мои вопросы отвечала односложно, все время витала где-то. Забросила все свои практики, ходила только на встречи с *ним*. В один из дней она не смогла подняться с постели и через сутки умерла. Эта новость стала ударом для меня. На вскрытии не нашли ничего подозрительного, но я стала замечать этого мерзкого типа около своего дома. Он явно меня преследовал. В телефоне матери я нашла его имя: Эрик. Вбила в Гугл номер его телефона, но ничего не нашла. Он что, не практикует? Или пользуется другим номером? Но этот Эрик был явно не тем, за кого себя выдавал.

Потом, заметив его возле университета, перестала ходить одна. На работу (я подрабатывала ночным сторожем в детском саду), выходила засветло. Это продолжалось несколько месяцев. Я начала ходить в церковь, потому что уже сходила с ума от тревожных мыслей. Обратиться мне было не к кому. Мать вела уединенный образ жизни и меня приучила никому не доверять. Однако от страсти у нее сносило крышу, и

все шло кувырком. Я мечтала только об одном — скорее повзрослеть и съехать от нее... Но я не знала, что моя мечта исполнится так скоро и таким страшным образом.

Глава 6

— Я не маг, — повторил мужчина и прямо посмотрел на меня. — Но я знаю, что ты унаследовала от матери дар. Все потомственные ведьмы передают его по наследству.

— Откуда вы знаете, что...

Альберт покачал головой.

— Она всегда интересовалась этим. Все потустороннее притягивало Елену как магнит. Когда какой-то мальчишка избил меня, она сказала, чтобы ноги его не было в школе. Через время я узнал, что он попал в аварию. Насколько я понял, он долго лечился, а потом куда-то переехал.

Я вздрогнула. Вот оно что! Вот почему я никак не могу выбросить ее книги, порвать ее рабочие дневники! Не могу к ним прикоснуться с таким умыслом. Но я никогда не занималась черной магией и не хотела этого делать и впредь. Озноб пробежал по спине от мысли, что мне больше никогда от этого не избавиться. Осознание тяжелым грузом легло на мои плечи и заставило меня ссутулиться. Я не хочу закончить как моя мать. Нет-нет, этого не будет!

— Можно ли как-то от этого избавиться?

— Боюсь, что нет.

— Что?

Альберт положил сахар в чай и стал медленно его помещивать. Пламя свечей рисовало на его лице причудливые

дрожащие узоры. Так он мой дядя, хоть и не родной? Но это не объясняет того, что сейчас здесь происходило.

— Где я? — спросила я тихо.

— О, это самое сложное, — мой собеседник помрачнел. — Никта ведь не знала, что со мной произошло. Я просто пропал без вести. В доме нашли лишь несколько пятен моей крови, из чего был сделан вывод, что в наше жилище проникли злоумышленники и я пострадал. Потом меня просто перестали искать, ведь я был совершенно в другом месте...

И он начал рассказывать свою историю. И по мере того как он рассказывал, мне становилось все более страшно.

— Я вампир. Тот человек, который вломился в наш дом, искал себе жертву. У нас завязалась потасовка, но он был сильнее. В итоге я потерял сознание, а когда очнулся, то был невесть где. Какая-то помойка, где я валялся несколько дней как труп. Все тело ломило и болело, я потерял много крови. Не все, скажу я тебе, Луна, переживают эту трансформацию. Для кого-то мутация в вампира смертельна. Сердце не выдерживает. Но я был здоров как бык, — Альберт повел могучими плечами, — и выкарабкался.

Я промолчала. Моя жизнь вдруг показалась мне настолько ничтожной, что у меня перехватило дыхание. Ладно, я выросла с женщиной, называющей себя темной ведьмой. Ладно, меня зачем-то преследовал ее неприятный хахаль. А теперь оказывается, что мой дядя (хоть и не родной) ... вампир!

— И вы реально пьете кровь? Людей? Ужас! — Я вскочила с кресла и стала бегать по комнате. — А может, вы сумасшедший, вам не приходило в голову?

Мужчина встал и развернул свои темные крылья. Они перегораживали полкомнаты в расправленном виде.

— А это что?

— Мне плевать, что это за штуки, я хочу уйти, немедленно.

— Мне кажется, что...

Я запустила в него чайной чашкой, к этому времени уже опустевшей. Потом в ход пошли чайник и блюдце. Альберт спокойно поймал их, как какой-нибудь жонглер, и поставил на столик. Этим он меня еще больше разозлил и шокировал. На помощь было звать бесполезно и неприятно, но я все же попыталась это сделать.

— Когда твой гнев пройдет, вспомни, пожалуйста, что пока я не сделал тебе ничего плохого, — перебил мой вопль Альберт. — Тебе нужно успокоиться и выслушать меня.

Я упала в кресло и замолчала. Напряжение последних дней давало о себе знать. Сегодня у меня должна быть ночная смена на работе, но на нее я, видимо, не попаду. О том, чтобы предупредить, и речи не шло. Меня уволят по статье, и дело с концом. «Может, вообще ты сегодня умрешь, — шепнул предательский внутренний голос. — И никакая работа тебе более не понадобится».

После вспышки гнева я заплакала. Да уж, резкий пере-

ход... Слезы лились ручьем, не помню, что я говорила, но что-то вроде «нам нужно договориться» и «я никому не скажу». Тщетно. Он смотрел на меня так же бесстрастно, как и до этого. Только переместился ближе к камину, сложил руки на груди и молчал, ожидая, когда очередная моя вспышка пройдет.

— Вы меня достали... — плача, сказала я. — Сначала тот тип ходил за мной как приклеенный, теперь меня еще и похитили! Какая же я несчастная...

Альберт протянул мне платок. Я оттолкнула его руку. О боже, она холодная как лед! Или лучше сказать — как у трупа.

— Кровь нас не греет.

— Без вас знаю.

Наступило тягостное молчание.

— Я знаю, кто за тобой следил. Охотник на магов. Чем дольше ты остаешься вампиром, тем менее тебя питает обычная кровь. Все ткани тела иссушаются, жажду уже не утолишь так просто. И некоторые начинают искать панацею — то, что будет питать лучше обычной крови, давать силу и могущество. Охотники не сразу убивают свою жертву, а мучают ее, забирая крови совсем по чуть-чуть, чтобы подольше хватило. Но человеческий организм все равно в конце концов погибает. Сердечный приступ, как у Никты.

Сказав это, мужчина пристально поглядел на меня.

— Позволь мне помочь тебе, Луна. Иначе тебя ждет та же

участь, что и твою мать.

Глава 7

Почему меня называли Луна? Я не знаю. В Таро это карта магии. А еще вампиры предпочитают вести ночной образ жизни, хотя вряд ли моя мать знала о вампирах, когда рожала меня. Но все может быть. Может, она предчувствовала свою смерть и ее причину? Почему же не приняла никаких мер предосторожности? Она часто гадала себе и клиентам. Я не вникала, что происходит в ее компьютере или за закрытыми дверями ее кабинета. Это был отдельный от меня мир, я знала, что мать очень раздражали мои детские наивные вопросы и вторжения в ее личное пространство. Ну что, наверное, сейчас, когда она уже упокоена в земле, такие проблемы ее больше не волнуют. Она навсегда свободна от всего, что могло бы принести ей неудобство. Аминь.

Глава 8

— Когда у тебя день рождения?

— В июле.

— Свадебный обряд можно провести в это время, — убежденно сказал Альберт.

* * *

— Лу! Ты меня слышишь?

— А? Что?

— Пора сдавать работы, — шепнула Магдалена. Она поддела своим длинным красным ногтем исписанные листы и положила на преподавательский стол. Наступил перерыв.

Схватив сигареты и сумку, подруга увлекла меня за собой. Мы спустились на первый этаж и вышли на задний двор университета. Я сразу продрогла: конец февраля — это не шутки. Магдалена в легком пальто и модной вязаной шапке молча курила, искоса поглядывая на меня.

— Вот влипли мы с тобой.

— Ты про что?

— Не прикидывайся. Мы обе не помним, что произошло. Это пугает, — у подруги дрогнула рука, которой она держала сигарету. Мне пришлось и ей соврать, что я ничего не знаю. Ничегошеньки. Просто белый лист в мозгу образовался. И

она, похоже, поверила. Ее и моя версии для полиции полностью совпадали. Только я пропала почти на месяц, а Магдалена провела несколько сессий с психологом. Ничего, она оправится... С ее-то характером!

Жизнь потекла в прежнем темпе, как будто ничего не было. Но я-то знала, что было. Себе, как окружающим, не соврешь. Я стала снова листать мамины дневники в надежде найти информацию про себя. Вдруг там написано, как избавиться от «дара»? Никакой это вовсе не дар, а проклятие. Если матери хотелось в это играть, она уже наигралась, но я-то хотела другого. Закончить университет, работать... Все эти перевернутые пентаграммы и неизвестные загогулины вызывали у меня дрожь. Все амулеты и магические камни я собрала салфеткой в коробку и отнесла на чердак. Выкинуть их я по-прежнему не могла. Ну и черт с ними. Пусть лежат и не отсвечивают.

Бумаги матери кое-где были сложены аккуратно, а в других местах их будто разворошил домашний кот. Но у меня не было кота или какой-либо другой живности. Мать держала маленький огород, вот за ним я ухаживала. Надо было вертеться, пока у меня низкооплачиваемая работа. Альберт перевел мне денег, но я их не тратила. Сама пробьюсь. Не надо подачек. Он вообще все решил за меня, тиран и деспот в одном флаконе. Да, он объяснил, зачем это делает, но все сказанное могло разрушить мою и без того не очень устой-

чивую жизнь.

— Да где же оно! — я перетряхивала очередную коробку с макулатурой. — Неужели обо мне ни строчки? Никогда, мама, в это не поверю.

Наткнувшись на очередную фигурку из камня, я замерла. Белка, очень красивая, как живая. На коробочке написано, что сделана из селенита. Я взяла ее салфеткой, чтобы на мне не остался магический след: этому меня научила родительница в те редкие моменты, когда мы разговаривали открыто. Не то чтобы я боялась, но осторожность не помешает. Положив фигурку обратно, я уже хотела закрыть коробочку, но мне не дали.

— Привет, — сказал тоненький голос. — Я Никс. А ты Луна, надо полагать?

Медленно, очень медленно я обернулась.

На подоконнике сидела настоящая белка обычного беличьего размера. Глаза-бусинки и подергивающийся нос были бы умилительны, если бы не одно но: животное было полупрозрачным. Какой-то дух или призрак — я не собиралась это выяснять. Взвизгнув, я вскочила на ноги и выронила коробочку.

— Поосторожнее с ним, — сказала назидательно существо. — Селенит — мягкий камень. Так ты можешь его повредить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.